

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2

ФЕВРАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Могила А. П. Чехова.

Бор. Пильняк.

На кладбище в Новодевичьем монастыре от человека остался белый камень, очень тихий, очень скромный, такой нестеровски-левитановски-чеховский, — и на этом камне высечено: Антон Павлович Чехов. По веснам есть такая воля — уйти к самому себе, за город, поодиоцествовать, подумать, — 17 номер трамвая доходит до Новодевичьего монастыря, пройти тишиной средневековья, деревянные панели, такие домики у стен и башен, — и там могила Чехова, — на могиле высечено: Антон Павлович Чехов.

Но там же, написано чернильным карандашом и нацарапано гвоздями, — вот эти записи. Мне больно их читать, — вам больно их будет слушать. Я сохраняю и стиль, и имена; они написаны — нет, не только дураками, иные из этих писавших — любили Чехова, — это наши российские пошлость и «шапками закидам», наше панибратство. Выписываю:

Чехонте Антоша, люблю тебя! В. Т. Панфилов.

Трафимов, Беркин — спи с миром.

Ты правдив, хотя в твоих произведениях сквозит насмешка, но тоже правдивая.

Ты умер, но сильна твоя память. Писатель творец Чайки!

Чехов — мой идеал. Я люблю твой великий театр! П. Пожаров.

Хоть бы дозочку отдал нам своего таланта, для русских сомнений, которые не умеем писать.

Кстати ставим сегодня Медведя, приходи на наш бенефис.

15/IV—24. С. Козлов.

Никто не знал печальней смеха,

Никто не обличал так ложь, —

Но ты, но ты, Антоша Чехов,

Ты навсегда средь нас живешь!

13/IV—24.

Хотел плакать по тебе, да луку не принес! А. Бе — — — в.

Умри во время! — изречение мудрецов.

Перед отъездом из Москвы с больной ногой все же пошла поклониться твоему праху. Ты всегда будешь жить в моем сердце. Шкраб М. П.

Великому учителю русского слова от учителя-хлебороба-фронтовика.
В лучший день нашей жизни — Зоя и Костя.

И еще надписи, надписи на могиле Чехова:

Антон Павл.! Вас больше опошляют подобными надписями, чем со-
чувств. Нэдель.

Чехов, я люблю твою Каштанку!

Народ, который ты так любил, теперь возрождается.

Мещанства много в тебе, но хорошо, что воевать смел.

Сию надпись посвящаем дорогому всем писателю. Сегодня посетили твою скромную могилку, чем-то хорошим повеяло на нас при виде ее, и невольно вспомнился ты... Уж много лет прошло, но память по тебе не умерла среди нас, нового поколения, и не умрет, мир праху твоему! Варя Талецких, Леля Шер.

Многие славят тебя, а мы, стоящие здесь, и некоторые многие другие, говорим спасибо, что ты свои праздные дни не совсем праздно проводил, а попортил много бумаги.

Дружище! Были сегодня у твоей могилы и вспомнили старину. Помнишь, Антоша, как мы с тобой на этом самом месте сидели с тобою с Машей? Ну, брат, прощай, кстати зима была суровая, ты дружок должно замерз, не важно, будет и на твоей улице праздник. Прощай — пошли к бабам по-стариковски, кстати они теперь очень наглы! 27-го марта 24 г.

Все эти — простите — «изречения» я списал в Новодевичьем монастыре, с могилы Антона Павловича Чехова, прошлой весной. Есть такая воля — веснами, когда Москва расползлась в ручьях и неприятно, что солнце режет глаза только из луж — поехать на 17 номере в Новодевичий, в тишину, спуститься к реке, посмотреть на Воробьевы горы, продумать себя за год, — а потом пойти к могиле Чехова, постоять около, додумать последнее. У Арбатских ворот продаются гиацинты, и надо таскать под мышкой горшок гиацинтов, чтобы поставить у Чехова, у белой югилки. Такие весенние, расплеснутые дни — никогда не жалко, и вечером, когда идет разговор, как прошел день, где был и что делал, — надо со смущением отговориться: — «так, знаете ли, бродяжничал, ничего» — потому что такие дни хочешь оставить только для себя.

Человеческие глупость и пошлость, которых так боялся Чехов, не умерли с «Ивановым-седьмым». Человеческая глупость и пошлость окатила могилу Чехова. И это наш долг и наша честь — отмываться от пошлости и бороться с ней, — ибо Чехов жив не только бичом «Иванова-седьмого», но и тем — и это главнейшее, и это прекраснейшее, — тем, что каждую весну тревожит человека расплеснутым солнцем, расплеснутым днем, когда ясно, что солнце, лужи, сумерки, суглинки Воробьевых гор, москворецкие полыны — значительней конторских, твердых, как грифель, дней.